

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Е. А. Оболонская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2008 г.

Аннотация: В статье в рамках исследования региональных политических процессов анализируются основания для формирования сетевых сообществ на уровне политического пространства региона. Обозначено значение социальных, политических и иных сетей в условиях модернизационных рисков современного общества, возрастания роли коммуникативного фактора. Раскрывается значение когнитивных механизмов интеграции сетевых сообществ. Автор формирует подходы к типологии региональных сетевых сообществ, основываясь на определенном эмпирическом материале Воронежской области.

Ключевые слова: сетевые сообщества, социология, модернизация, общество.

Summary: This article gives the analysis of basics for a forming of the policy networks at the regional political area made in the framework of the research of regional political processes. It is also emphasized the importance of political, social and other policy networks upon conditions of modernisation risks in modern society, the growing role of communicative factors.

The importance of cognitive mechanisms of integration of the policy networks are discovered revealed. The author shows up the approach to the typology of the regional policy networks based on the determined empirical research made in Voronezh region (oblast).

Key words: social networks, sociology, modernization, society.

Современные политические процессы в российском обществе в последнее время исследуются не столько с точки зрения их динамики («переходности»), сколько с точки зрения статических характеристик. Актуальным становится субъективное измерение институализации политического порядка. При изучении региональной российской политики анализируется институализация политических режимов в регионах, формирование региональных элит и их политических практик, моделей внутриэлитных отношений, специфика региональных электоральных процессов, имиджи ведущих политических акторов и их влияние на экономический, политический, инвестиционный имидж региона. Результаты исследований убеждают политологов в том, что современные политические процессы не всегда протекают в рамках формальных институализированных структур и под влиянием институализированных акторов, что является отражением мировых трендов и мегатрендов, в частности, повышения роли коммуникативного фактора, «информационности» (М. Кастельс) общества, ухода от вертикально ориентированных управленческих структур к горизонтальным.

Анализ указанных особенностей современных политических процессов требует иной исследовательской методологии. Прежние исследовательские парадигмы, ориентированные на институциона-

лизм, не вполне адекватны реалиям современного общества. В иных методологических подходах нуждается нынешний формат политической системы с точки зрения современных модернизационных рисков и модернизации политической сферы.

В современном отечественном политологическом дискурсе очевиден интерес к осмыслению внутреннего уровня модернизации политической сферы через понимание изменившейся сути государства, национального суверенитета, а также через использование сетевого подхода к управлению и через актуализацию коммуникативного аспекта, усиление доверия в обществе, изменение сознания элит, внимание к проблемам идентичности. Повышение эффективности современного государства видится исследователям не столько в совершенствовании организационной, сколько коммуникативной сферы [10, 19, 24, 25, 26, 28, 30]. В современный политический дизайн встраиваются социальные, политические и другие сети, являясь механизмом самоорганизации самых различных идентичностей, обладающих политическим потенциалом. Это могут быть клановые, этнические, религиозные, партийные, коррупционные, основанные на землячестве и иные идентичности. В рамках региональных политических процессов указанные идентичности, сформированные на их

основе сети и сетевые сообщества могут играть определяющую роль.

Между тем, следует признать, что в отечественной политологической литературе отсутствует четкость в определении большинства используемых в данной статье понятий: социальная сеть, политическая сеть, региональное политическое сообщество, регион, политический регион, политическое пространство [5]. Соответственно требуется как тщательная проработка понятийно-категориального аппарата с использованием российского и зарубежного научного дискурса, так и научно обоснованная методология анализа социальных, в том числе политических, сетей, условий их формирования, интеграции, дезинтеграции, проявлений стабилизирующих и дестабилизирующих функций сетей.

При определении понятия «социальная сеть» ученые, как правило, исходят из того, что это добровольные, неиерархичные, не зависящие от государства, самоопределяющиеся образования, которые могут возникать в различных сферах общества [23; 104]. В самом простом понимании сети — это люди, которые, общаясь друг с другом, делятся информацией, идеями и ресурсами, помогают друг другу.

Понятие «политическая сеть» (policy network) появилось в рамках исследовательского направления, получившего развитие в 80—90-е гг. XX в. в западной политической науке. Статус этого научного направления вполне может быть соотнесен с теориями среднего уровня.

Сетевые отношения основаны на горизонтальных связях, не предполагающих иерархического подчинения, на открытости общения, разнообразии каналов и моделей коммуникации. Сетевой подход к политике исходит из переосмысленного понимания государства, его сути, структуры, отношений с обществом. Эта теория ориентирована на хаотичность, неустойчивость и усложнение современного мира. В ней отчетливо просматривается тренд в направлении утверждения нового типа управления, взаимовыгодной политики, а также «управления без правительства» («governing without government»). Ключевые аспекты («сердцевину») теории составляют связи, отношения, интеракции. Таким образом, государство в рамках сетевого подхода признается одним из акторов (но не единственным!), продуцирующих политические решения, обменивающихся своими ресурсами. Все это придает государству с формирующимися внутри него сетевыми сообществами некоторую незавершенность,

неравновесность, хаотичность. Вместе с тем, именно коммуникативные связи и способности социальных сетей положительно влияют на адаптивные возможности государства и множества его политических институтов, отдельных акторов, создавая своего рода «защитную политическую оболочку» [26; 79].

Существующие в западной политологической литературе определения понятия «политическая сеть» не имеют, на наш взгляд, принципиальных различий. Считается удачным определение, данное немецкой исследовательницей Т. Берцель, которая учитывает наличие множества участников в сети, преобладание горизонтальных связей, наличие общих целей и интересов, взаимозависимость участников, использование кооперации. По мнению Т. Берцель, «политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики *общие интересы* (значит, в обществе могут реализовываться и одновременно сосуществовать различные сети) и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей» [16; 63]. С этими характеристиками политической сети, безусловно, можно согласиться. Вместе с тем, на наш взгляд, политическая сеть является более сложноструктурированным явлением. В политическую сеть вплетены фрагменты информационных, экономических и, возможно, иных сетей. Большой интерес в этой связи представляет подход антрополога из университета Майами Вирджинии Хайн, основанный на изучении сетей как «сегментированных полицефальных», по природе трехмерных образований «с множеством узлов или ячеек разного размера, каждый из которых связан с остальными прямо или опосредованно» [15; 281].

Под региональным политическим сообществом мы понимаем многообразие акторов, организованных как по иерархическим, так и по неиерархическим основаниям, способных к самоорганизации и саморегуляции, действующих для продвижения индивидуальных и коллективных интересов, обменивающихся формальными и неформальными ресурсами, вступающими в различные формы коммуникации на региональном политическом пространстве и обладающими определенной степенью идентичности.

Отечественным политологом В. С. Котом были названы следующие признаки политического сообщества при попытке его определения: целостность, единство, групповая солидарность, иерархичность, институализированность [14; 109]. Стремясь к более точному определению специфики политического сообщества, П. В. Панов, вслед за К. Шмиттом, обращает внимание на первичность такого признака как политическая идентичность, одновременно уделяя внимание и другим: пространственная локализация, публичность, навязанность (невозможность выхода из сообщества), институализированность [17; 95—96].

В свою очередь «регион» — это не просто территориальное пространство. Важна политическая актуализация территориального пространства, выражающаяся в наличии определенных экономических, политических, правовых, культурных интересов, консолидированного или же, напротив, поляризованного политического сообщества, своеобразного характера коммуникаций [29; 10—52]. В этом случае можно говорить о «политическом регионе», наиболее удачное определение которого, с точки зрения политико-культурного подхода, дают В. А. Колосов и Н. С. Мироненко. Политический регион — это «крупная часть страны, длительный период выступающая единым фактором в политической жизни, включающая общую крупную узловую проблему и общее историческое прошлое» [13; 295]. В рамках данной статьи термин «политический регион» используется для обозначения административно-территориального и политического конструкта Воронежской области, в рамках которого осуществляется целостное управление региональными процессами. (В дальнейшем предполагается расширить границы исследования до Центрально-Черноземного региона.)

И наконец, политическое пространство региона (как видовая форма социального пространства) представляет собой упорядоченную совокупность политических институтов, принципов политической организации, ролей, отношений, практик, сформированных на основе политических, правовых, социокультурных, исторических традиций и установок региона, посредством чего обозначаются, воспроизводятся, корректируются, изменяются позиции и направления деятельности политических акторов.

Своевременность усиления внимания к социальным сетям и формирующимся сетевым сообществам обусловлена противоречиями и вызовами современного информационного общества. Подхо-

ды к изучению «неуправляемого» нового мира представлены в трудах Э. Гидденса, У. Бека, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса, М. Кастельса и др. [3, 4, 7, 8, 11, 12, 31]. Современные классики политической теории, философии, социологии акцентируют внимание на «плюрархичности» нового мира, на разделении между временем и пространством, что обусловило исключительную динамику политической жизни, усиление доверия к профессиональной экспертизе, возникновение большого количества зон риска.

У. Бек обращает внимание на процесс «распада политики», когда эта сфера становится полем действия не только и не столько централизованного правительства, сколько полем разнообразных сообществ, сетей, индивидов. Эти акторы, по мнению У. Бека, обладают более значимыми рефлексивными способностями [3; 281—288].

Реальность информационного общества состоит и в том, что система, лишенная «сигналов снизу», не может быть управляемой. Кризис управления и кризис управленческого сознания объясняется игнорированием низового уровня и низовых «сигналов». Скорректировать механизм управления можно, опираясь на разнообразные низовые структуры, в том числе сетевые сообщества.

«Сигналами снизу» является (в большинстве случаев) разного рода информация. Таким образом, производство информации, ее обработка, восприятие, передача являются важнейшими ресурсами бизнеса, власти, нации, государства. Это один из центральных тезисов в теории М. Кастельса, осмысливающего «информационное общество» (informational society) [11; 42]. Беспорядочные же информационные потоки обесценивают информацию, коммуникации не достигают цели. Использование ресурсов сетевых сообществ позволяет резко повысить скорость передачи информации, установить большое количество контактов, оперативно решить практически любые вопросы.

Процесс разработки методологии анализа сетевых сообществ, основанной на учете сегментированности и полицефальности сетей, убеждает в необходимости их комплексной оценки, учитывающей как позитивный, так и негативный социальный капитал сетевых сообществ. В основе понятия «социальный капитал», введенного в научный оборот П. Бурдьё, лежало признание позитивного потенциала неинституциональных связей, доверия между людьми (группами) [6]. Впоследствии М. Олсон вводит понятие негативного социального капитала как внеинституциональных связей,

знакомств, практик, осуществляющих дестабилизирующее, дезинтегрирующее воздействие на уровне региона, государства [1; 95—96].

Будучи формой самоорганизации групп, отражением трансформации социальной структуры, сетевые сообщества, тем не менее, нуждаются в определенных условиях, способствующих их формированию. Процесс консолидации региональных сетевых сообществ и их качественные характеристики (в рамках типологии) зависят от разного рода факторов, в том числе от особенностей региональных политических режимов, моделей властных структур, сложившихся на уровне региона. (Вот почему прежде чем переходить собственно к обоснованию типологии региональных сетевых сообществ, целесообразно, на наш взгляд, оценить «почву», политическое пространство, в котором они формируются.)

В современной российской истории региональные политические режимы на протяжении более чем 15-летнего периода (1991—2007) нуждались и продолжают нуждаться в легитимации происходящих преобразований. Период 1991—1998 гг. сопровождался передачей регионам важнейших институциональных, административных, экономических ресурсов, что требовало соответствующих средств и способов легитимации. Период 1998—2007 гг., напротив, олицетворял политику рецентрализации, что привело к снижению роли региональных элит, сужению полномочий региональных политических акторов (губернаторов, глав администраций), снижению объема контролируемых ресурсов на уровне региона, но вновь актуализировало процессы и практики легитимации на региональном уровне. В этих обстоятельствах для ряда российских регионов решается вопрос о возможности сохранения лидирующих позиций с точки зрения экономического, социального, интеллектуально-инновационного развития. В частности, для Воронежской области чрезвычайно важно, останется ли она ведущей в рамках Центрально-Черноземного региона («воротами» в ЦЧР) или сдаст свои позиции одному из реальных конкурентов — Белгороду, Липецку...

Из политических факторов, определяющих конфигурацию региональных сетевых сообществ, безусловно, стоит принять во внимание проявление таких структурных компонентов режима, как степень централизации власти, устойчивости институтов, развития переговорных практик, автономность региона от центра, особенности региональной элиты, уровень коррупции и др. Используемые

российскими политологами В. Сергеевым и А. Казанцевым термины «коррупцированный авторитаризм», «некоррупцированный авторитаризм» — не бесспорны, но вполне уместны для решения конкретной исследовательской задачи и использования в данной статье [20; 18—30].

В случае устойчивых проявлений коррупцированного авторитаризма в регионе развитие бизнеса, к примеру, невозможно без личных контактов с представителями властных структур, без административного ресурса, что приводит бизнес-сообщество к необходимости внедрения в вертикально интегрированную политическую сеть или же к встраиванию во властную вертикаль «своего» сетевого сообщества. Коррупцированный авторитаризм создает инвестиционную непривлекательность региона. В этом случае соседние регионы могут стать серьезными экономическими конкурентами, «вымывающими» инвестиционные ресурсы центра и частных инвесторов. (Центрально-Черноземный банк Сбербанка РФ, например, является потенциально крупнейшим инвестором для областей ЦЧР. В 2007 г. ЦЧБ СБ РФ выступил в качестве крупнейшего инвестора в ряде инновационных сельхозпроектов в Белгородской области.)

Сильный харизматический лидер в регионе, скорее, станет способствовать некоррупцированному авторитаризму, развитию сетевых сообществ (они же при необходимости окажутся его «низовыми сигналами», «низовыми структурами»), многочисленным внешним контактам региона.

Слабый лидер, напротив, будет стремиться к сохранению коррупцированного авторитаризма, так как сопутствующая ему система родственных, патронажных связей, «кормлений» даст возможность контролировать собственность и иные ресурсы региона. «Закрытость» региона обезопасит слабого лидера от варягов-инвесторов, способных резко сузить в короткие сроки и без того сомнительную социальную базу региональной власти и делегитимизировать деятельность властных структур. В этом случае сетевые сообщества сформируются в рамках гражданского общества. Наиболее активно: в сфере защиты прав человека, в сфере СМИ, в бизнес-сообществе, среди профессиональных экспертов и консультантов. В условиях коррупцированного авторитаризма, сохраняя политическое господство в регионе, региональная исполнительная власть будет готова ослабить свое экономическое влияние, что приведет к множественным издержкам на локальном уровне (город, район). Структуры местной (локальной) власти в

этом случае получают все ресурсы для того, чтобы стать главным экономическим актором локального уровня, осложняя инновационную деятельность и не допуская ее со стороны внешних инвесторов.

На процесс формирования региональных сетевых сообществ могут оказывать влияние сложившиеся в регионе модели структур исполнительной, законодательной власти, альтернативные официальные (институализированные) центры политического влияния. Так, проведенный автором в апреле 2008 г. экспертный анализ структур органов исполнительной власти в ряде субъектов РФ, в том числе и в Воронежской области, дал возможность выделить несколько управленческих моделей [33, 34, 35, 36, 37, 38]. Для ряда областей ЦЧР (Воронежской, Липецкой, Тамбовской) [33, 36, 38] характерна традиционно-прямолинейная управленческая модель, которая соответствует управлению, ориентированному на один политический центр, не может учесть интересы различных политических сил (например, политических партий, сложившихся в регионе центров влияния, структур гражданского общества), отражает иерархичность и авторитарность управления. Такая модель вряд ли может оказаться эффективной в регионах со сложившимися демократическими традициями, с высоким уровнем научного сообщества и, по всей видимости, может косвенно способствовать формированию сетевых сообществ, проявляющих недоверие к власти, «прорывающихся» во властные структуры или стремящихся к латентному влиянию на них. Таким образом, можно предположительно говорить о взаимосвязи различных управленческих моделей с позитивным или негативным социальным капиталом сетей.

Другая, предправительственно-моноцентричная управленческая модель просматривается во властных структурах Белгородской области [34]. Наряду с определенной авторитарностью, эта модель имеет внутренний потенциал сочетания иерархичности и горизонтальных связей. В таких условиях можно предположить следующее: в регионе либо традиционно складывается единственный влиятельный политический центр, либо попытки сформировать несколько центров влияния не будут иметь легитимной поддержки в обществе и перекроются высоким рейтингом главного политического актора (губернатора). Что касается возможных характеристик региональных сетевых сообществ, в этом случае можно предположить нацеленность на легитимацию властных структур («адепты» властных структур), прочность и устойчи-

вость сетевых сообществ (полиморфность сетей, скорее, проявится в регионах с несколькими влиятельными политическими центрами, с присущей им внутренней конфликтностью), стремление к устойчивой партийно-политической идентификации.

Третья, коллегиально-правительственная управленческая модель просматривается в Курской и Орловской областях [35, 37]. Более завершенной она выглядит в Орловской области. Указанная модель дает возможность подключения к процессу управления структур, экспертных сообществ гражданского общества. В случае формирования нескольких центров политического влияния возможно вовлечение их представителей, лидеров в качестве руководителей крупных управленческих блоков. Иначе говоря, возможна интеграция представителей различных центров политического влияния, в том числе «интеграция контрэлиты» в единую управленческую команду. Моноцентричность верхнего управленческого уровня (губернатор и минимальное количество заместителей) позволяет удерживать ситуацию под контролем. (Проведенный анализ структур исполнительной власти в 15 субъектах РФ показал наличие тренда в направлении формирования коллегиально-правительственной управленческой модели.) Такая управленческая модель даст возможность для формирования сетевых сообществ в самых различных сферах. Скорее всего, это приведет к полиморфности, неустойчивости, кратковременности сетей, но в условиях умелого управления политическими рисками и учета разветвленных горизонтальных связей — к наиболее комфортным условиям для формирования гражданского общества, для консолидированной региональной идентичности.

Наряду с политическим фактором, в процессе формирования региональных сетевых сообществ целесообразно принимать во внимание и множество других факторов географического, экономического, социального, демографического, образовательного свойства. Совокупность этих факторов обуславливает то, в каких сегментах общества и экономики процессы сетеобразования востребованы и не сдерживаются искусственным образом, а в каких имеют место противоположные явления.

Сжатый компаративный анализ «толстых описаний» областей Нечерноземья России, представленный на страницах журнала «Полис» в 2007 г., содержит выводы о сверхзначении следующих

условий, позволяющих региону, стране вписаться в глобальную экономику, в совокупность взаимодействий между субъектами мировой политики:

— территория должна быть крупным транспортным узлом;

— концентрация существенных финансовых ресурсов в пределах территории;

— наличие адекватной инфраструктуры связи;

— наличие условий для деятельности и воспроизводства квалифицированного экспертного сообщества;

— высокий уровень комфорта и гостеприимства [19, 20, 21, 22].

Выделение совокупности определяющих факторов является логичным шагом в процессе попытки типологизировать региональные сетевые сообщества. Степень актуальности одного или нескольких факторов, характер политических отношений между соответствующими акторами определяет большую или меньшую востребованность отдельного типа регионального сетевого сообщества, равно как и вообще возможность его формирования в рамках конкретного региона.

В западной политологической литературе такие авторы, как А. Джордан и К. Шуберт в качестве оснований для типологии сетей выделяют: число и тип участников сетей; характер институционализации; сферу политики, в которой формируются сети; распределение ресурсов между участниками сетей; особенности интересов, объединяющих участников сети; степень концентрации власти [16; 65].

Р. Родес и Д. Марш руководствуются следующими основаниями для типологии сетей: степень внутренней интеграции; число участников сети; распределение ресурсов между ними [16; 65].

Типология политических сетей Р. Родеса включает 5 типов: политические сообщества (с ограниченным членством, вертикальной взаимозависимостью, высокой степенью интеграции, изоляцией от других сетей); территориальные сообщества; профессиональные сети (с вертикальной взаимозависимостью, изоляцией от других сетей, включающих профессиональные группы); межправленческие сети (intergovernmental networks) (с широким кругом интересов, ограниченной вертикальной взаимозависимостью, широкой горизонтальной структурой, способностью к взаимодействию с другими сетями); сети производителей (producer networks) (с явными интересами интеграции и координации экономических акторов при производстве и экспертизе товаров) [16; 65—66].

В российской политологической литературе типология сетевых сообществ фактически не представлена. Есть варианты типологизации НКО (например, работа А. Ю. Сунгурова) [27; 33—48], но НКО — один из элементов структуры гражданского общества, они могут включать крайне ограниченное число участников, могут находиться внутри различных сетевых сообществ и др.

Профессор Калифорнийского университета (США) Майкл Урбан ссылается на рукопись Н. Айо и В. Сергеева «Социальные сети в российской политике», в которой авторы выделяют «сетевые структуры власти» и «сетевые структуры доверия» [30; 66—85].

В. Дементьев в «Российском экономическом журнале» классифицирует финансово-промышленные группы (ФПГ), считая их корпоративными структурами сетевого типа [9; 12—24]. В то же время традиционная для С. П. Перегудова классификация групп интересов включает выводы об интегрированных бизнес-группах, которые автором не отнесены к сетевым сообществам [18; 55].

В настоящее время можно говорить о значительно большем количестве оснований для типологии, чем выделено зарубежными авторами в начале 90-х гг. XX в. Это обусловлено увеличением количества акторов, проявляющих себя в различных сферах жизни общества, плюрализацией политического пространства, увеличением разнообразия отношений, порожденного обстоятельствами информационного общества [2].

Представляется, что основаниями для типологии региональных сетевых сообществ можно считать:

— положение и роль в политическом пространстве региона («вертикальные» и «горизонтальные» сетевые сообщества). К «вертикальным» сетевым сообществам на уровне региона можно отнести вертикально структурированные группы в официальных властных структурах, действующих под патронажем губернатора («команда губернатора»), мэра («команда мэра») или же влиятельного в регионе чиновника. Этим чиновником может быть руководитель областного управления ГУВД, ФСБ, Прокурор области, федеральный инспектор по Воронежской (или другой) области или другие лица. В рамках «вертикальных» сообществ могут сложиться и эффективно действовать горизонтальные мини-сообщества доверия, основанные на родственных, земляческих, ученических связях;

— функциональную роль и целевые установки по отношению к существующим институализиро-

ванным структурам власти (сети доверия или недоверия; оппозиционные сетевые сообщества, находящиеся под патронажем оппозиционного центра влияния, стремящиеся к власти или к латентному использованию ресурсов официальных властных структур);

— характер институализации (институализированные, неинституализированные, заинтересованные в поэтапной институализации и не стремящиеся к ней сетевые сообщества, «параконституционные» сообщества);

— характер субъекта, инициирующий формирование сетевых сообществ (государственные, неправительственные, созданные федеральным центром, крупными корпорациями, бизнес-группировками, группировками политической элиты региона, политическими партиями (в том числе партией власти), в рамках гражданского общества, отдельными политиками, бизнесменами сетевые сообщества (они могут выстраиваться как по «вертикали», так и по «горизонтали»));

— число и характеристики участников сетевого сообщества (в том числе сюда можно включить сообщества, созданные по гендерным, этническим, религиозным, возрастным и другим различиям);

— характер деятельности сетевого сообщества (легальный, теневой, полуправильный, криминальный, коррупционный, рэкет);

— степень готовности к внешним контактам по «горизонтали» и «вертикали» (открытые, закрытые сетевые сообщества, готовые к контактам только по «вертикали» или только по «горизонтали»);

— временной характер функционирования (постоянные, временные, циклические, спорадические сетевые сообщества);

— степень автономности от властных структур (ангажированные властью, созданные непосредственно в рамках государственных органов и структур сетевые сообщества или автономные (в рамках гражданского общества) сетевые сообщества);

— характер проявления в обществе (реальные и виртуальные сетевые сообщества: чатрумы, порталы, электронные правительства);

— тип отношений, преобладающий между участниками сетевого сообщества (аморфные, строго структурированные, инструментальные, родственные, сентиментальные, ученические, родительские, земляческие, патронажные, партнерские, конфликтные, конкурентные и др.);

— степень адаптивности к изменениям внешней среды (проявляющие различный уровень адаптации к внешней среде, к конкурентной среде);

— обладание различными видами ресурсов (полиресурсные, моноресурсные, нуждающиеся в ресурсах других акторов сетевые сообщества);

— положение и роль в информационном пространстве («инфраструктурные» сетевые сообщества: производители текстов, кодификаторы информации, трансляторы информации, защитники права на информацию, экспертные центры, агентства и группы). С одной стороны, «инфраструктурные» сообщества способствуют цели общественного контроля за действиями властных структур, с другой стороны, снабжают гражданское общество и другие сети научно обоснованными аргументами и достоверной информацией;

— стремление к коллективному восприятию (телезрители-фанаты программ, идущих во многих странах мира: «Последний герой», «Кто хочет стать миллионером» и др.);

— нацеленность на созидание или разрушение, интеграцию или дезинтеграцию (сетевые сообщества, обладающие негативным социальным капиталом; сетевые сообщества по типу «антисеть», деятельность которых — наркоторговля, работоторговля, торговля оружием, терроризм).

В дополнительной внутренней дифференциации нуждается следующее основание для типологии: цели и направления деятельности (активности) сетевого сообщества. На наш взгляд, можно говорить о следующих группах сетевых сообществ (мы не говорим о конкретных организациях, они могут быть всего лишь одним из элементов сети, далеко не всегда более эффективным, чем одно частное лицо, например, или представители государственной структуры):

— региональные сетевые сообщества внутри политических элит;

— региональные сетевые сообщества в экономической сфере;

— региональные сетевые сообщества в социальной сфере;

— региональные сетевые сообщества в сфере выражения профессиональных интересов;

— региональные сетевые сообщества в сфере защиты прав человека и гражданских инициатив;

— региональные сетевые сообщества в сфере коммуникаций.

В свою очередь каждая из этих групп состоит из множества индивидуальных и коллективных акторов различного статуса, с разной степенью активности, нацеленных на решение личных (внутрисемейных) проблем или внешних, действующих постоянно или время от времени.

Современное фрагментированное и изменяющееся общество с постоянным ростом неустойчивости и умножением рисков, с усилением значения фактора случайности, с расширением и ускорением информационного потока заставляет обращать внимание профессиональных политиков и бизнесменов на многообразие новых форм коммуникаций, способность к управлению которыми определит «ключевого властного агента» [23; 111]. Стабилизационные функции социальных сетей на региональном уровне в состоянии способствовать сглаживанию несовершенства формальных институтов, легитимации принимаемых решений и реформированию пространства региональной публичной политики. Более того, вышеупомянутые характеристики социальных сетей при наличии когнитивной интеграции внутри сетей могут оказаться вполне конгруэнтными традиционалистским ценностям российской политической культуры, перманентно «пересиливающим» формальные институты и требования.

Сформулированные подходы, на наш взгляд, позволяют эффективнее управлять политическим рисками и обеспечивать политическую стабильность регионального политического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеевкова Е. С.* Когнитивные механизмы интеграции социальных сетей / Е. С. Алексеевкова // *Полис*. 2007. № 3. С. 92—114.
2. *Бард А.* Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Ян Зодерквист. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
3. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 95 с.
5. *Борисова Н. В.* Региональные процессы в современной России и практика их научного осмысления / Н. В. Борисова // *Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития*. Ежегодник 2005. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. С. 349—362.
6. *Бурдые П.* Социология социального пространства / П. Бурдые. М.—СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
7. *Гидденс Э.* Последствия Модернити / Э. Гидденс // *Новая постиндустриальная волна на Западе*. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 101—122.
8. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
9. *Дементьев В.* «Реквием» по официальным российским ФПГ (об итогах и уроках эволюции законообеспеченной формы сетевых корпораций) / В. Дементьев // *Российский экономический журнал*. 2007. № 12. С. 12—24.
10. *Завершинский К. Ф.* Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии / К. Ф. Завершинский // *Полис*. 2002. № 3. С. 19—30.
11. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
12. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Раз мышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
13. *Колосов В. А.* Геополитика и политическая география / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. М.: Аспект-Пресс, 2001. 479 с.
14. *Кот В. С.* Концептуализация политического общества / В. С. Кот // *Полис*. 2006. № 1. С. 104—109.
15. *Нейсбит Д.* Мегатренды / Д. Нейсбит. М.: АСТ; Ермак, 2003. 380 с.
16. *Нечаев Д. Н.* Неправительственные организации как фактор политического развития России и ФРГ: сравнительный анализ / Д. Н. Нечаев. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та; Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. 456 с.
17. *Панов П. В.* Политическое сообщество: конструирование и институализация / П. В. Панов // *Полис*. 2007. № 1. С. 94—103.
18. *Перегудов С. П.* Крупная корпорация как субъект публичной политики: учеб. пособие для вузов / С. П. Перегудов. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 163 с.
19. *Сергеев В. М.* Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей / В. М. Сергеев, А. С. Кузьмин, В. Д. Нечаев, Е. С. Алексеевкова // *Полис*. 2007. № 2. С. 8—17.
20. *Сергеев В. М.* Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев // *Полис*. 2007. № 2. С. 18—30.
21. *Сергеев В. М.* Москва и Санкт-Петербург как центры притяжения социальных сетей / В. М. Сергеев, А. С. Кузьмин, Е. С. Алексеевкова, А. А. Казанцев // *Полис*. 2007. № 2. С. 31—43.
22. *Сергеев В. М.* «Хора» московских «ворот» и сценарии ее развития / В. М. Сергеев, А. С. Кузьмин, В. Д. Нечаев, Е. С. Алексеевкова, А. А. Казанцев, А. В. Дождиков, Р. В. Евстифеев, С. М. Усманов, С. В. Чернышов, И. М. Федорова, О. Ю. Хомутова, С. А. Виноградова // *Полис*. 2007. № 2. С. 44—62.
23. *Сморгунов Л. В.* Сетевой подход к политике и управлению / Л. В. Сморгун // *Полис*. 2001. № 3. С. 103—112.
24. *Соловьев А. И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А. И. Соловьев // *Полис*. 2002. № 3. С. 5—18.
25. *Соловьев А. И.* Коммуникация и культура: противоречия поля политики / А. И. Соловьев // *Полис*. 2002. № 6. С. 6—17.

26. Соловьев А. И. Трансъачеистые структуры как форма строения и источник саморазвития государства / А. И. Соловьев // Полис. 2006. № 6. С. 59—80.

27. Сунгуров А. Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества (Некоторые проблемы политической модернизации России) / А. Ю. Сунгуров // Полис. 1999. № 6. С. 34—48.

28. Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве / Д. Ш. Ткачев // Полис. 2006. № 1. С. 78—91.

29. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: моногр. 2-е изд. / Р. Ф. Туровский. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 400 с.

30. Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России / М. Урбан // Полис. 2002. № 4. С. 66—85.

31. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. СПб.: Наука, 2000. 377 с.

32. Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель / П. Химанен, М. Кастельс. М.: Логос, 2002. 224 с.

33. www.govvrn.ru

34. www.belregion.ru

35. www.rkursk.ru

36. www.admlr.lipetsk.ru

37. www.adm.orel.ru

38. www.tambov.gov.ru

Воронежский государственный университет

*Е. А. Оболонская, кандидат исторических наук,
доцент кафедры социологии и политологии
исторического факультета Воронежского
государственного университета,*

e.obolonskaya@investpalata.ru

Тел.: 21-27-43

Voronezh State University

*E. A. Obolonskaya, the candidate of historical science,
the docent of department of Sociology and Political Studies
of the Voronezh State University,
e.obolonskaya@investpalata.ru*

Tel.: 21-27-43